

Обзор советских библиографических указателей по фразеологии и паремиологии показывает ярко выраженную тенденцию к соединению усилий специалистов разного профиля по исследованию этих важных элементов народной и литературной речи. Библиографические указатели В. Н. Сергеева, Л. И. Ройзензона, М. А. Пеклера и А. М. Бушуя дают исчерпывающую и оперативную информацию о таких стыковых дисциплинах, как паремиология и фразеология. Они уже играют и несомненно еще сыграют важную роль в укреплении научных связей между лингвистами, фольклористами и этнографами.

В. М. Мокиенко

НАРОДЫ СССР

Н. И. Шатинова. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981.

Семья никогда не была обойдена вниманием ученых — ее исследованием постоянно занимались демографы, экономисты, этнографы, социологи и представители многих других научных дисциплин. Но если раньше эти исследования велись изолированно в русле каждой науки, то в последние годы все чаще раздаются призывы к синтезу имеющихся знаний, к интеграции усилий для более полного и глубокого изучения закономерностей функционирования и развития семьи¹.

Книга Н. И. Шатиновой, давая много содержательной информации о некоторых общесоветских и традиционных явлениях в быте современной сельской алтайской семьи, в методическом отношении является откликом на эти призывы к кооперации — этнографическое по целям и задачам исследование удачно дополняется элементами социологического анализа. Правда, пока еще связь этнографии и социологии носит несколько механический характер: описание традиционных семейных обрядов и обычаев и их истоков составляет «этнографическую» часть книги; выяснение степени знания и меры бытования традиционных семейных обрядов и обычаев, а также отношения к ним различных социально-демографических групп современных алтайцев возлагается на «социологию».

Материалы массового опроса дали возможность составить более полное представление о традиционных семейных обычаях и обрядах и, что более важно, показать изменения, происходящие в свадебных, родильных, похоронных обрядах и некоторых семейных обычаях (избегание и гостеприимство). Дополненная детальным анализом результатов предшествующих исследований различных сторон алтайских семейных обрядов и обычаев и материалами полевых наблюдений автора этнографическая, описательная часть книги очень интересна и убедительна.

Сложнее обстоит дело с объяснением причин, вызывающих изменения традиционных представлений респондентов. В соответствии с принятыми в современной социологии правилами автор прежде всего формулирует задачи исследования и рабочие гипотезы (с. 4, 5), придающие всему дальнейшему изложению завидную последовательность и целеустремленность. Но при формулировке гипотез было упущено из виду, что «законы и закономерности, которые вскрываются в рассматриваемых областях социальной жизни, обязательно должны формулироваться в виде вероятностных утверждений»², и поэтому формулировки приобрели излишне утверждающий, упрощающий ситуацию оттенок, например: «Чем выше образование информатора, тем меньше выражена его ориентация на традиционные формы быта» (с. 5). Таким образом, сформулированные гипотезы не подтверждаются данными исследования, которые наглядно демонстрируют возможность сохранения традиционных представлений у информаторов с любым образовательным уровнем (см. табл. 1—4). Иное дело, «если в рассматриваемом примере речь идет об утверждении, что в группах с более высоким образовательным уровнем доля информаторов, ориентированных на традиционные формы быта, меньше», тем более что фактически анализ данных осуществляется именно в таком ключе. Эта, кажущаяся незначительной, разница в формулировке гипотез уменьшает опасность слишком прямолинейной, однозначной трактовки образования как причины изменения традиционных установок. В такой же и даже в еще большей степени это замечание справедливо для возраста, который, по мнению автора, «действительно определяет знание информаторами обсуждаемых здесь обрядов» (с. 66). Но «возраст» как таковой является лишь индикатором (причем далеко не исчерпывающим) жизненного опыта информатора, и вряд ли сегодняшняя молодежь, воспитанная в современных условиях, через 30—40 лет будет иметь столь же традиционные взгляды на семейные обычаи и обряды, как те, кому сейчас за пятьдесят. Иными словами, эмпирические индикаторы, дифференцирующие информаторов по их знанию и отношению к семейным обычаям и обрядам, зачастую не являются причинными факторами. Н. И. Шатинова прекрасно отдает

¹ См., например, Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979, с. 29—30; Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. М.: Статистика, 1978, с. 18—20.

² Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М.: Наука, 1972, с. 17.

себе в этом отчет³, но, следуя принятым в современной этносоциологии канонам⁴, неизбежно сталкивается с объективно существующими методологическими и теоретическими трудностями в эмпирическом установлении причинно-следственных связей⁵.

В качестве социально-демографических характеристик информатора выбраны пол, возраст, социально-профессиональный статус и образование. Эти показатели общеприняты из-за удобства их операционализации, сравнительной легкости шкалирования и сильной дифференцирующей способности. В этих терминах ведется и объяснение изучаемых явлений. Но сегодня вышеперечисленные факторы начинают терять свою объяснительную силу. Если, например, в 20-е годы в условиях нашей страны получение среднего образования было нелегким делом и тем самым предполагало наличие определенных личностных характеристик у имевших его, то сегодня, когда десятилетнее образование стало обязательным и общедоступным, оно значительно меньше характеризует человека. В связи с этим ряд исследователей отмечают, что работающими оказываются лишь полярные концы образовательной шкалы, и предлагают привлекать к объяснению более глубокие личностные характеристики респондентов⁶, а для этого последние должны быть операционализированы и включены в опросный лист. Возможно, этнографу, столь глубоко владеющему материалом, как Н. И. Шатинова, это сделать легче, чем социологу. Непроизвольные попытки подобного рода объяснений встречаются в книге постоянно, например: «более традиционные представления и намерения в сфере обрядового поведения (по поводу свадьбы) выскажут те, кто вообще склонен к традиционному стилю мышления и реализует его в своих поступках» (с. 68) или «информаторы, до настоящего времени связанные с традиционным бытом, замкнутые в своей относительно узкой среде, привержены и национальным обрядам и, в частности, хорошо знают традиционные похоронные обряды» (с. 108) и т. д. Эти примеры иллюстрируют еще один аспект связи между этнографией и социологией: этнографический материал, как никакой другой, дает возможности для постановки задач и формулировки объяснительных гипотез и в то же время в изобилии обеспечивает исследование эмпирическими индикаторами, позволяющими проверять эти гипотезы. Например, знание национальных алтайских блюд, наличие предметов традиционного быта сильно коррелируют с традиционными представлениями и позволяют построить шкалу «традиционное — современное» (с. 69).

Мы попытались обратить внимание читателей на те стороны рецензируемой книги, которые остаются в тени. Возможно, эти соображения будут полезны и для автора, поскольку (и это совершенно очевидно) рассматриваемая книга — лишь первый шаг в осмыслении имеющегося в его распоряжении материала, о чем свидетельствует приложение, составляющее треть книги. Благодаря ему, а также детальному описанию процедуры построения выборки, опросного листа и других методических сторон исследования каждый читатель может самостоятельно анализировать материал, проверять аргументированность выводов автора и делать свои собственные. Они лишней раз подтвердят справедливость итоговых заключений книги.

«1. Историческая динамика изменений семейной обрядности алтайцев в советскую эпоху состоит в радикальном сокращении традиционных архаических элементов.

2. В наше время происходит диалектически противоречивый процесс, в ходе которого реализуется тенденция к формированию общеалтайских форм семейной обрядности и происходит интенсивное сближение алтайских обрядов с русскими и общесоветскими формами.

3. Современное течение этнических процессов у алтайцев, судя по материалам о развитии семьи и семейной обрядности, характеризуется как процессом дальнейшей этнической консолидации алтайцев, так и дальнейшим их культурно-бытовым обогащением за счет иноэтнических влияний (русского, казахского)» (с. 127).

В аннотации к книге сказано, что она рассчитана на этнографов, археологов, историков. Целью рецензии было расширить круг читателей этого интересного, междисциплинарного по форме исследования.

И. А. Гришаев

³ «Не следует, конечно, думать, что воздействие всех сильно связанных со знанием традиционных свадебных обрядов факторов нужно трактовать в плане причинности. Так, знание национальных алтайских блюд не есть, разумеется, причина соблюдения традиционного свадебного ритуала; связь между ними носит характер корреляции». (Рецензируемая книга, с. 66).

⁴ См. Арутюнян Ю. В. Социальная структура сельского населения в СССР. М.: Мысль, 1971; Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1977.

⁵ Этой проблемы касаются при анализе взаимосвязи между образованием и рождаемостью А. Г. Харчев и М. С. Мацковский в книге «Современная семья и ее проблемы» (с. 176—182).

⁶ Бойко В. В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М.: Статистика, 1980, с. 225.